

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 33, Is. 5, pp. 33–41, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-33-41
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47).083

The Mordvinian Village in the Early 20th Century: Peasant Economy in the Age of Dramatic Changes (Evidence from One Settlement)

Pavel S. Uchvatov ¹

¹ Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Senior Research Associate, Humanities Research Institute Affiliated to the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation). E-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru

Abstract. With evidence from the 1911 Farmstead Census and some archival documents, the article examines the population of Mordovia's villages in the early 20th century, particularly as of 1911 and January 1918, i. e. on the eve of the Russian Civil War. The processes are studied through the example of the Mordvinian (Erzya) village of Povodimovo (present-day Dubyonsky District, Republic of Mordovia) that during the period under consideration was part of Alatyrsky Uyezd of Simbirsk Governorate. Povodimovo had been a large village inhabited by state-owned peasants. The vast majority of the homesteads were engaged in grain growing, oat and rye being the most widespread cultivated crops. Livestock breeding was also of great significance. Still, the agricultural methods were far outdated, and almost all the peasants used some primitive tools and mechanisms. This was somewhat compensated by the fertility of the lands and the fact that in over 60 % of the farmsteads people additionally fertilized their fields. In terms of living conditions and wealth status, the population of Povodimovo was heterogeneous enough. Only few persons possessed large plots of land exceeding 10 *dessiatins*. No wonder then that representatives of over 70 % of the families got employed as seasonal workers outside the *uezd* (Russ. 'district, municipality'). By 1918, the economic conditions in the village had deteriorated, and one can note that in general it was typical for the then crisis phenomena in Russia's agricultural sector resulting from a number of interrelated reasons. By all means, agriculture was undermined by World War I in the aftermath of which many of the peasant families became impoverished. Moreover, that was followed by the Russian Civil War and the related policy of 'war communism'. Times of changes were approaching, and the centuries-old rural way of life was to be transformed dramatically.

Keywords: Mordovia, Mordvins, Simbirsk Governorate, Alatyrsky Uezd, Povodimovo, peasantry, farmstead, village.

Рубеж XIX–XX вв. — это время глубоких, кардинальных перемен, проходивших в аграрном секторе под влиянием событий, ставших судьбоносными для нашей страны. Не удивительно, что проблемы аграрной истории Поволжья конца XIX и особенно первой четверти XX вв. вызывают у исследователей большой интерес. В настоящее время данная тема активно разрабатывается П. С. Кабытовым [2007; 2012], В. В. Кондрашиным [2001; 2009], О. А. Суховой [2007; 2008; 2016], П. П. Щербининым [2015; 2016], В. А. Юрчёнковым [2002; 2005; 2010] и другими историками. В данной статье на основе материалов подворной переписи 1911 г. и архивных документов рассматривается население мордовского села в начале XX в. по состоянию на 1911 г., а также на январь 1918 г. — накануне Гражданской войны. В качестве примера определено мордовское (эрзянское) село Поводимово (современный Дубёнский район Республики Мордовия), в исследуемый хронологический период находившееся на территории Алатырского уезда Симбирской губернии.

В 1910–1911 гг. все жители Симбирской губернии подверглись подворной переписи (в Алатырском уезде она проводилась весной–осенью 1911 г.). Благодаря данным, полученным в ходе этой переписи, мы можем охарактеризовать состояние крестьянских хозяйств, занятия промыслами, уровень грамотности и некоторые другие детали [Подворная перепись Симбирской губернии... 1913: 26–33].

Входившее в состав Дубёнско-Поводимовской волости Поводимово находилось в 145 верстах от губернского города Симбирска и в 50 верстах от уездного города Алатыря. В нем проживали бывшие удельные крестьяне. По состоянию на 1911 г., в Поводимове насчитывалось 626 семей приписного наличного населения, всего эти семьи включали 4 223 чел., в том числе 2 046 душ мужского и 2 177 — женского пола. Средняя семья состояла из 6 чел., причем Дубёнско-Поводимовская волость вообще отличалась в уезде крупными семьями [Подворная перепись Симбирской губернии... 1913: 4]. Помимо этой основной части жителей, в Поводимове числились также семьи, относящиеся к приписному отсутствующему населению (16 семей с неизвестным составом, 42 семьи с известным составом).

Мужчин трудоспособного возраста (18–60 лет) среди приписного населения было 990 чел., женщин (16–55 лет) — 1 117.

Старики и подростки причислялись к населению так называемого «полутрудоспособного» возраста: их было 262 души мужского пола и 259 — женского. В большинстве семей (317) имелся один работник мужского пола, с двумя работниками было 168 семей, с тремя и более — 101, наконец, 40 семей были вообще без работников-мужчин. На одно крестьянское хозяйство, по данным переписи, в среднем приходилось взрослых работников: мужчин — 1,58 и женщин — 1,78 (самый высокий показатель в волости). Наемных рабочих в Поводимове, в отличие от соседних сел, не было.

Рассматривая уровень грамотности наличного приписного населения (с 1871 г. в селе действовало училище для крестьянских детей, открытое благодаря стараниям земской управы) [Дубёнский район... 2008: 238], нужно отметить, что 195 поводимовских семей включали грамотных либо учащихся, в их числе мужчин — 283, женщин — 6, что составляло 31,2 % от общего числа. Если сравнить данные по Поводимову и соседних сел волости, то во втором по размерам селе — Дубёнках — процент семей с грамотными либо учащимися равнялся 76,7 %; в Ардатове — 26,2; в русском селе Петровка — 44,5; в Чиндянове — 38,9. Как видно, показатель грамотности в Поводимове можно назвать относительно низким. Отметим, что в целом уровень грамотности не только по Поводимову, но и по Дубёнско-Поводимовской волости был крайне низок [Подворная перепись Симбирской губернии... 1913: 7]. К этому нужно добавить, что с окончанием сельской школы для большинства образовательный процесс заканчивался, зачастую вынужденно, так как крестьяне не имели возможности продолжать учебу (например, из 25 выпускников поводимовской школы 1893–1895 гг. учиться дальше смогли лишь двое — один в низшем, другой в среднем учебном заведении) [Дубёнский район... 2008: 240]. Не случайно, что составитель подворной переписи 1911 г. агроном Л. А. Шлыков констатирует, что, «к сожалению, этот могущественный фактор поднятия благосостояния страны у нас в России вообще находится на низком уровне» [Подворная перепись Симбирской губернии... 1913: 6].

В 1909 г. в селе был осуществлен передел земли, в результате чего надельная земля была разделена между 2 208 наличными крестьянами мужского пола. 127 хозяйств воспользовались правом, предоставленным

стольпинским законом от 9 ноября 1906 г., и закрепили наделы в собственность. Надельных хозяйств наличных насчитывалось 606, отсутствующих — 48.

Данные по площади надельного землевладения в Поводимове выглядят следующим образом: 221,5 дес.¹ занимали крестьянские усадьбы, 3 609,7 дес. — пашня, 228,6 дес. — непоименные покосы. Надельной земли, занятой лесом, а также выделенной под выгон, не имелось. Всего «удобной», т. е. пригодной для использования, надельной земли было 4 059,8 дес.: больше, чем в любом другом селе волости, например в Дубёнках удобной земли имелось 3 890 дес., а в Ардатове — 1 978,9 дес.

Кроме надельной, в Поводимове имелась также купчая земля. С купчей землей было 48 наличных хозяйств (больше, чем в Ардатове, Дубёнках и Петровке, но меньше, чем в Чиндянове, где таких хозяйств было 146), в их пределах 515,8 дес. земли занимала пашня, а 6,1 дес. — покосы. 48 хозяйств — это, конечно, немного, если учесть распространенную проблему малоземелья крестьян. Поэтому неудивительно, что покупка вненадельной земли в таком виде не решала данную проблему.

Всей «удобной» земли, включая надельную и купчую, в селе было 4 305,9 дес., включая 3 880,4 дес. пашни. На одно хозяйство в среднем приходилось 6,88 дес. земли (это значение больше, чем в других селах волости), в том числе 6,21 дес. пашни.

Широко распространенной была сдача земли в аренду. Этим занимались как община, так и отдельные крестьянские хозяйства. Общиной (миром) сдавалось 58,7 дес. земли, занятой под пашню, и 7,5 дес. — под покос. В свою очередь, община арендовала 18 дес. земли под выгон и пастбища. Хозяйств, предоставлявших землю в аренду, в Поводимове насчитывалось 94. Ими сдавалось в аренду: надельной земли — 185,2 дес. под пашню и 11,5 дес. под покосы; купчей земли — 45,5 дес. под пашню. Куда больше было крестьян, арендовавших землю: 591 хозяйство или 94,4 % — это больше, чем в любом другом селе волости. Крестьяне арендовали в основном надельную землю (пашни — 414,1 дес., покоса — 86,7 дес.), а также владельческую, удельную и казенную землю (пашни — 235,2 дес., покоса — 205,0 дес.). В целом в подворной переписи констатировалось, что аренда не способствовала укреплению и росту благосостояния мелких

хозяйств [Подворная перепись Симбирской губернии... 1913: 23].

Среди хозяйств приписного наличного населения Поводимова насчитывалось 591 сеющее (94,4 %). Это самый высокий показатель в волости (если не считать хутор при Дубёнках, состоявший из одного хозяйства): в Ардатове сеющих хозяйств было 90,5 %, в Дубёнках — 85,9 %, в Петровке — 87,1 %, в Чиндянове — 89,3 %. Посевная площадь в Поводимове составляла 2 926,2 дес. земли, на одно хозяйство в среднем приходилось 4,95 дес. (больше, чем в Ардатове — 4,24 дес., в Чиндянове — 4,75 дес. и Петровке — 4,69 дес., но существенно меньше, чем в Дубёнках — 6,18 дес.).

Интересны также данные о разделении крестьянских хозяйств по размерам посевной площади: мелких хозяйств (до 4 дес.) в Поводимове было 300, средних (4–10 дес.) — 237, крупных (более 10 дес.) — 54. Поводимово — самое большое село волости, поэтому не удивительно, что по мелким и средним сеющим хозяйствам оно опережает соседние села; однако по количеству крупных хозяйств оно уступает Дубёнкам (68).

Из яровых сельскохозяйственных культур, выращиваемых в Поводимове, наиболее распространенным являлся овес (60,2 % хозяйств — этот процент выше, чем в других селах волости), второе место занимала пшеница (29,0 %). Также сажали полбяную пшеницу (5,2 %), картофель (2,1 %), гречиху (0,5 %). На 1 казенную десятину сеяли 10,2 пудов ржи и 12,0 пудов овса, а урожая на 1 казенную десятину получали: ржи — 55 пудов, овса — 53 пуда (немного больше, чем в соседних селах, за исключением Ардатова, где этот показатель аналогичен). Преобладающей почвой являлся суглинистый чернозем.

Крестьянское хозяйство в начале XX в. оставалось в большинстве своем отсталым и примитивным. В Поводимове, как и в других селах Алатырского уезда, продолжала господствовать трехпольная система земледелия, причем и у мелких, и у крупных земледельцев [Подворная перепись Симбирской губернии... 1913: 33]. Сеять приходилось вручную, а качество семян зачастую оставляло желать лучшего. Наиболее распространенными орудиями труда являлись соха, деревянная борона, серп, коса. В 1911 г. в Поводимове насчитывалось 415 хозяйств, располагавших сельскохозяйственным инвентарем, при этом усовершенствованный инвентарь, чрезвычай-

¹ 1 казенная десятина равнялась 1,09 га.

чайно дорогой и труднодоступный, имелся лишь в двух (0,3 % от общего числа наличных хозяйств) — в одном из них был железный плуг, в другом — веялка и сортировка. Остальные 413 хозяйств пользовались старинными деревянными орудиями труда. Самые бедные хозяйства вообще не имели сельскохозяйственного инвентаря. В других селах волости ситуация была не лучше, а то и хуже: так, в Дубёнках, численность населения которого близка к Поводимову, инвентарем, хотя бы самым примитивным, владели только 298 наличных хозяйств, и лишь одно из них (0,2 % от общего числа) имело усовершенствованное орудие труда — молотилку.

Для ведения зернового хозяйства большое значение имело животноводство. По официальным данным подворной переписи 1911 г., в Поводимове имелось: лошадей — 522, жеребят — 28, коров — 442, телят до 1 года — 221, прочего крупного рогатого скота — 62, овец и коз — 1 413, свиней — 126. В среднем на одно хозяйство приходилось голов: лошадей — 0,83, коров — 0,7, всего скота — 2,17. Это довольно средние цифры, если сравнивать с соседними поселениями волости (лошадей на одно хозяйство имелось больше только в Петровке, однако по количеству другого скота Поводимово уступало Дубёнкам, Петровке и Чиндянову). Животноводство обеспечивало крестьянские хозяйства и удобрением: 59,3 % поводимовских наличных хозяйств удобряли землю навозом.

Цифры по распределению хозяйств в зависимости от количества лошадей и коров наглядно показывают, насколько сильной являлась имущественная дифференциация между жителями одного села. Безлошадных хозяйств было 222, с одной лошадей — 303, с двумя лошадьми — 89, и, наконец, лишь немногие, наиболее зажиточные крестьяне владели тремя лошадьми и более — таких было 12. У 224 хозяйств не было коровы, одну корову имели 366, две и более — 36. Естественно, что в наиболее тяжелом положении оказывались те хозяева, у которых не было ни коровы, ни лошади; таких насчитывалось 127.

Из-за неравномерности распределения земли среди крестьян многие из них, чтобы прокормить себя, были вынуждены заниматься промыслами и искать какие-то дополнительные источники существования. В Поводимове семей с такими работниками имелось 461, или 73,8 % по отношению к

общему числу наличных семей (выше этот процент был в Дубёнках — 83,7 %, примерно такой же в Чиндянове — 73,2 %, в Ардатове и Петровке существенно ниже — 63,1 % и 52,1 % соответственно). Всего неземледельческими промыслами в Поводимове так или иначе занимались 548 мужчин и 49 женщин. Главным образом, речь идет об отхожих промыслах: за границами Алатырского уезда трудились 450 мужчин и 1 женщина; в своем уезде, но и за пределами Поводимова искали заработки 40 мужчин и 1 женщина. Мужчины в основном подрабатывали самыми примитивными, не требующими профессиональной подготовки промыслами — чернорабочими (415), реже — плотниками (29), матросами (18), портными (7). Среди женщин было 16 нищих. В этом плане Поводимово несколько выбивается из общего ряда: так, жители Ардатова чаще всего устраивались матросами (170); Дубёнок — матросами (107), ремесленными (78) и сельскохозяйственными работниками (70); Петровки — плотниками (100) и матросами (55).

17 поводимовских хозяев также занимались пчеловодством, которое было весьма выгодной отраслью сельского хозяйства; в общей сложности у них имелось 257 ульев. Помимо Поводимова, этот промысел был относительно развит в Петровке, 9 хозяйств которой держали 235 ульев.

Жилищные условия крестьян, как отмечалось в подворной переписи, нельзя было признать хорошими [Подворная перепись Симбирской губернии... 1913: 42]. Главным строением в хозяйстве являлась традиционная крестьянская изба. В 1911 г. жилые избы имелись в 616 поводимовских наличных хозяйствах, причем были семьи, располагавшие несколькими избами, так как общее их количество в селе составляло 631. В 565 хозяйствах, кроме изб, располагались также надворные постройки. При этом если простыми сараями хозяйства были обеспечены достаточно полно, то говорить это же про другие хозяйственные постройки: конюшни, хлева, овины, амбары и т. д. — не приходится. Как правило, эти постройки отсутствовали у самых бедных крестьян и появлялись в хозяйствах, засевавших 2–4 дес. земли и больше [Подворная перепись Симбирской губернии... 1913: 43]. Некоторые крестьяне владели небольшими торговыми промышленными заведениями, обсуживающими повседневные нужды сельских жителей (например, это могли быть мельницы,

маслобойни, кузницы и т. д.). У наличного приписного населения Поводимова было 12 таких заведений, кроме того, имелось 2 торговых заведения, принадлежавших посторонним людям. Поводимова по этому параметру находится примерно на одном уровне с другими селами волости, за исключением Дубёнок, где местные жители содержали 37 торгово-промышленных заведений.

Несмотря на бедность, население Поводимова быстро росло (стоит лишь отметить, за последние полвека общая численность жителей увеличилась два раза) [Список населенных мест... 1863: 17]. Накануне Первой мировой войны, в 1913 г., в Поводимове, по официальным данным, насчитывалось 640 дворов, где проживало 4 715 чел., включая 2 290 мужчин и 2 425 женщин, как указывается в Списке населенных мест Симбирской губернии [Список населенных мест Симбирской губернии... 1913: 42–43]. Скорее всего, в этот список были включены также люди, не относившиеся в 1911 г. к приписному наличному населению, потому что в этом случае получается, что всего за несколько лет население резко выросло на 492 чел.

Благодаря именному списку жителей Поводимова [ЦГА РМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–45], в котором указаны наличность населения, скота и земли по состоянию на 1 января 1918 г., мы можем узнать некоторые изменения в хозяйственных условиях, случившиеся за несколько лет, в течение которых произошли трагические для страны события — Первая мировая война и две революции. Здесь сразу необходимо оговориться, что четкие критерии, по которым можно было бы разграничить крестьян на группы в зависимости от размеров их земельных наделов, не предусматривались, поэтому такое их разделение будет несколько условным.

К 1918 г. в селе насчитывалось 666 хозяйств, что, как видно, на 26 больше, чем было в 1913 г., и на 40 — по сравнению с 1911 г. В селе проживало 4 440 жителей, в том числе мужчин — 2 146 и женщин — 2 294.

Общая площадь земельных наделов, принадлежавших крестьянам, равнялась 3 225 дес. (за несколько последних тяжелых лет посевные площади заметно сократились), кроме того, 267 дес. занимали земли, занятые под усадьбы. Размер этих усадеб мог сильно варьироваться: самые мелкие занимали 100–200 кв. саж., крупные — более

2 тыс. кв. саж. Двумя наибольшими усадьбами (по 3 тыс. кв. саж.) владели зажиточные крестьяне Кузьма Сергеевич Ешмаев и Иван Конилаевич Ешмаев, располагавшие также значительными земельными наделами. У 19 хозяев усадьбы вообще отсутствовали; все они относились к беднейшему слою населения.

Купчей земли у поводимовцев было 363 700 кв. саж. (около 151,5 казенных десятин). Приобрели дополнительные участки 304 хозяйства (45,6 %). Стандартный размер таких участков составлял 1 200 кв. саж., исключений было всего 4: имелся 1 участок в 100 кв. саж., 2 — по 900 кв. саж. и 1 — в 1 800 кв. саж. Примечательно, что наличие купленной земли далеко не всегда свидетельствует о богатстве ее хозяина. Часто случалось наоборот: дополнительная земля покупалась вынужденно, когда надел был слишком мал и его просто не хватало для нужд семьи. Как, например, в случае с Василием Назаровичем Суродеевым или Николаем Игнатьевичем Бурнаевым, владевшими земельными наделами всего в 1 дес. С другой стороны, крестьянин с крупным наделом и крепким хозяйством мог попросту не нуждаться в покупке земли.

Крестьян, владевших обширными наделами, которые насчитывали более 10 дес. земли, было 39, они составляли всего 5,8 % от всего населения. Им принадлежало 518 дес. земли (16 %). Часто размер земельного надела зависел от общего числа сыновей домохозяина: большие семьи оказывались более зажиточными. Так, у Ивана Кирилловича Константинова в семье было 12 мужчин и 5 женщин, ему принадлежал надел в 12 дес. и усадьба в 1 200 кв. саженей. Семья Михаила Трофимовича Кузнецова, хозяина земельного надела в 13 дес., купленной земли в 1 200 кв. саженей и такого же размера усадьбы, насчитывала 13 мужчин и 10 женщин. Емельяну Васильевичу Маркову принадлежал земельный надел в 12 дес. с усадьбой в 2 400 кв. саженей, его семья состояла из 10 мужчин и 13 женщин.

Однако исключения из этого правила не были редкими. Хотя в среднем семьи крестьян с крупными наделами действительно оказывались больше, чем у многих других, говорить о строгой зависимости между численностью членов семьи и размером земельных наделов в целом нельзя. Например, один из самых крупных сельских земледельцев, Ефрем Захарович Чичайкин имел 15 дес. наделенной земли и 1 200 кв.

саженей — под усадьбой, но семья у него имела относительно небольшая, причем сын вообще был всего один.

Одним из самых зажиточных хозяев в Поводимове был Иван Ефимович Василькин. Он, возглавляя семью, состоящую из 6 мужчин и 6 женщин (причем это меньше, чем у многих других богатых крестьян) владел очень крупным для села земельным наделом в 18 дес. с усадьбой в 600 кв. саженей. У него было 5 голов крупного скота и 13 — мелкого.

Большие семьи, насчитывавшие 15 и более чел., могли быть и у крестьян со средними земельными наделами. Всего хозяйств, обладавших наделами в 5–10 дес., в Поводимове было 202, или 30,3 % от общего числа [ЦГА РМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–45]. Их наделы вместе составляли 1 452 дес., или 45 %. Наиболее успешная часть этих хозяев, владевших наделами в 8–10 дес. и имевших достаточно большое количество крупного и мелкого скота, примыкала к зажиточным крестьянам, и грань между ними порой оказывается весьма расплывчатой и условной.

Однако наиболее многочисленным слоем среди поводимовских домохозяев являлись крестьяне, владевшие небольшими земельными наделами до 5 дес. (425, или 63,8 %; общая площадь их наделов составляла 1 255 дес., или 38,9 %). Их, конечно, нельзя назвать однородными. В их числе находились и те, кто, хоть и жили бедно, но все же располагали хоть каким-то минимумом ресурсов для ведения хозяйства. Так, у семьи Ильи Григорьевича Люнина был маленький земельный надел в 3 дес., усадьба в 600 кв. саж., имелся собственный крупный и мелкий скот. Но значительную часть крестьян составляли бедняки с крошечными земельными наделами в 1–2 дес. Часто к ним относились молодые семьи, созданные людьми, недавно отделившимися от отцовских хозяйств. Жизнь их была очень сложной, ведь приходилось кормить себя и своих детей, располагая крайне скудными ресурсами. Так, Осип Петрович Седойкин жил с женой и дочерью, имея земельный надел в 1 дес., усадьбу в 400 кв. саж. и дополнительно купленную землю в 1 200 кв. саженей, собственной лошади для обработки земли у его семьи не имелось.

В еще более тяжелых условиях оказывались те крестьяне, которые, заведя семью, вообще не имели собственного земельного надела, чтобы прокормиться. Например, к ним относился Фома Гаврилович Цыца-

ров: кроме усадьбы в 900 кв. саж., его семья (4 мужчины и 4 женщины) не имела вообще ничего — ни самого скромного надела, ни лошади, коровы или козы. Не удивительно, что, попадая в такие условия, крестьяне были вынуждены искать какие-то дополнительные средства к существованию: становились батраками, занимались отходничеством и ремеслами. Хозяйств, лишенных наделной земли, было 46 (6,9 %).

Но в наиболее бедственном положении находились маленькие семьи, оставшиеся без кормильца и, фактически, безо всяких средств к существованию. Ведь нельзя забывать о том, что речь идет о 1918 г., и многие мужчины, призванные на военную службу, не вернулись домой [Дубёнский район... 2008: 78]. Их жены и дочери, не имея собственных сил и средств, а зачастую и собственной земли для пропитания, могли рассчитывать только на помощь со стороны односельчан. В Поводимове насчитывалось более 30 хозяйств, во главе которых находились женщины, оставшиеся без мужей. К ним относилась, например, Прасковья Алексеевна Будаева, жившая с дочерью на крохотном участке в 100 кв. саж., или Агафья Ивановна Кузнецова, тоже жившая с дочерью и не имевшая даже своей усадьбы. Свообразным исключением являлась Прасковья Ивановна Чичайкина, хозяйство которой включало 6 дес. земли, при этом ее семья состояла из 4 мужчин (скорее всего, это были несовершеннолетние сыновья) и 2 женщин. Конечно, несмотря на относительно большой земельный надел, положение этого хозяйства нельзя назвать простым, ведь семья лишилась своего главы, не было у нее и собственной лошади, коровы, даже мелкого скота. Не исключено, что обрабатывать эту землю семье помогали их родственники, другие Чичайкины, среди которых имелось много достаточно зажиточных людей.

Крупного скота — лошадей и коров — в Поводимове было 1 067 голов: значительно меньше, чем в 1911 г. Вообще не имели крупного скота 119 хозяйств (17,9 %). В большинстве своем в поводимовском хозяйстве было 1–2 головы крупного скота; как правило, если крестьянская семья имела корову и лошадь, то это позволяло ей жить относительно сносно (разумеется, при условии наличия достаточного земельного надела). Хозяйств, обладавших тремя и более головами крупного скота, было не так уж и много, и данные здесь выглядят следующим образом. По 3 головы крупного скота рас-

полагали 57 хозяйств (8,5 %), включая 2 — с мелкими земельными наделами, 34 — со средними и 21 — с большими. 4 головами крупного скота владели 18 хозяйств (2,7 %), в том числе 1 — с мелким земельным наделом, 10 — со средними и 7 — с большими. Более 4 голов крупного скота имели 8 хозяйств (1,2 %), из них 1 — со средним земельным наделом и 7 — с большими. Больше всего голов крупного скота (6) имел зажиточный крестьянин Сергей Дмитриевич Паняев, располагавший 13 дес. земли.

Мелкого скота (козы, овцы и т. д.) насчитывалось 1 917 голов; его, напротив, стало существенно больше в сравнении с 1911 г. В то же время поводимовских хозяйств без мелкого скота было много: 257 (38,6 %), в том числе 28 крестьян со средним земельным наделом и 1 — с большим (это хозяйство Кузьмы Наумовича Коннова, который имел надел в 12 дес. земли и 4 головы крупного скота). Конечно, мелкий скот был не так важен для хозяйства, как крупный, иногда (в случае, если хозяин жил небедно) он играл роль скорее лишнего подспорья в экономике. Поэтому попадались довольно зажиточные крестьяне, мелкий скот не державшие. Вместе с тем рост числа голов мелкого скота с одновременным уменьшением численности крупного скота является еще одним свидетельством ухудшения экономического положения крестьян.

Значительная часть жителей Поводимова держала от 1 до 5 голов мелкого скота — 247 хозяйств, или 37 %. В их числе 169 — с небольшими земельными наделами, 76 — со средними и 2 — с большими. Многие поводимовские семьи имели от 5 до 11 голов мелкого скота: 146 хозяйств, или 21,9 %. Они включали в себя 28 крестьянских хозяйств с небольшими наделами, 92 — со средними и 26 — с большими.

Хозяйства с более чем 10 головами мелкого скота являлись редкостью. В Поводимове таких было лишь 16 (2,4 %). В их число входили хозяева со средними земельными наделами — 6 и с крупными — 10. Больше мелкого скота, чем любой другой хозяин — 17 голов — держал зажиточный крестьянин Илья Петрович Солдатов.

Таково было положение села Поводимова, состояние которого можно проецировать на крестьянские хозяйства в начале XX в. в общем. В целом отметим еще раз самые основные моменты. Поводимово являлось крупным селом, население которого составляли бывшие удельные крестьяне. Подавля-

ющее большинство хозяйств в нем являлись сеющими, наиболее распространенными сельскохозяйственными культурами были овес и пшеница. Большое значение имело также животноводство. При этом сельское хозяйство оставалось очень отсталым, почти все хозяйства пользовались лишь примитивными орудиями труда. Занятие земледелием облегчала достаточно плодородная земля, к тому же почти 60 % хозяйств дополнительно удобряли свои участки. В плане условий жизни и имущественного состояния население Поводимова было очень неоднородным. Крупными земельными наделами свыше 10 дес. обладали лишь немногие хозяева. Неудивительно, что крестьяне из более чем 70 % наличных семей занимались промыслами, в основном отхожими — за пределами уезда. К 1918 г. экономическое положение в селе ухудшилось, и можно отметить, что в целом оно отражает те кризисные явления, которые распространялись в аграрном секторе России под влиянием различных, связанных между собой, причин. Безусловно, огромный ущерб сельскому хозяйству нанесла Первая мировая война, приведшая к обнищанию многих крестьянских семей. Однако впереди еще была Гражданская война и связанная с ней политика «военного коммунизма». Наступало время перемен, и привычный, веками установленный, сельский уклад ждали кардинальные изменения.

Источники

ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия.

Литература

- Дубёнский район: история, события, люди / авт.-сост. Н. В. Заварюхин и др.; науч. ред. Н. В. Заварюхин, В. А. Юрчёнков; редкол. В. Г. Прокин (пред.) и др. Саранск: Красный Октябрь, 2008. 454 с.
- Кабытов П. С. Аграрная история Поволжья: итоги научных разработок и перспективы их интеграции в новые научно-исследовательские проекты // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: мат-лы I Всерос. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Самара: Самарск. госуниверситет, 2007. С. 13–16.
- Кабытов П. С. Современные проблемы изучения аграрной истории Среднего Поволжья // Вестник Самарского университета. 2012. № 2 (93). С. 5–10.
- Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М.: Янус-К, 2001. 542 с.
- Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. 574 с.

- Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Вып. 2. Алатырский уезд. Симбирск: Симбирск. губ. земство, 1913. 135 с.
- Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: Симбирск. губ. стат. ком-т, 1913. XXXIII, 136 с.
- Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. XXXIX: Симбирская губерния. СПб.: изд-во Центр. стат. Ком. Мин-ва внутр. дел, 1863. 99 с.
- Сухова О. А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза: ПГПУ, 2007. 373 с.
- Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX вв.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 677 с.
- Сухова О. А. Право на насилие. Российское крестьянство в революции 1917 г. (по материалам Пензенской губернии) // Центр и периферия. 2016. № 2. С. 4–10.
- Щербинин П. П. Пропедевтика революционного сознания аграрного социума периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. сквозь призму гендерного анализа // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 3(35). С. 33–45.
- Щербинин П. П. Развитие аграрных беспорядков в 1917 г. как пролог участия крестьян в Гражданской войне: уездный уровень // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 2(38). С. 31–36.
- Юрчёнков В. А. Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов в 1918–1920 гг. Саранск: НИИ гуманитарных наук при прав-ве Республике Мордовия, 2010. 440 с.
- Юрчёнков В. А. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма» (на примере мордовского края) // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 23–28.
- Юрчёнков В. А. Социальная психология крестьянства Мордовии первой четверти XX века // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002. С. 311–320.

Sources

- TsGA RM — *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Mordoviya* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia].

References

- Dubenskiy rayon. Istoriya. Sobytiya. Lyudi / avt.-sost. N. V. Zavaryukhin i dr.; nauch. red. N. V. Zavaryukhin, V. A. Yurchenkov; redkol. V. G. Prokin (pred.) i dr.* [Dubynsky District: history, events, people. Comp. and edit. by N. Zavaryukhin et al.]. Saransk, Krasnyi Oktyabr Publ., 2008, 456 p. (In Russ.).
- Kabytov P. S. *Agrarnaya istoriya Povolzh'ya: itogi nauchnykh razrabotok i perspektivy ikh integratsii v novye nauchno-issledovatel'skie proekty* [An agrarian history of the Volga region: results of scholarly research ...]. *Mir krest'yanstva Srednego Povolzh'ya: itogi i strategiya issledovaniy* [The World of the Middle-Volga Peasantry: Results and Research Strategies ...]. Samara, 2007, Samara State University Press, pp. 13–16 (In Russ.).
- Kabytov P. S. *Sovremennye problemy izucheniya agrarnoy istorii Povolzh'ya* [Modern problems of study of agrarian history of Middle Volga Region]. *Vestnik Samarskogo universiteta* (Vestnik of Samara State University), 2012, No. 2, pp. 5–10 (In Russ.).
- Kondrashin V. V. *Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e v 1918–1921 gg.* [Peasant movement in the Volga Region: 1918–1921]. *Rossiya sel'skaya. XIX – nachalo XX veka / Otv. red. A. P. Korelin* [Rural Russia: the 19th – early 20th cc. Edit. by A. Korelin]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, pp. 331–361 (In Russ.).
- Kondrashin V. V. *Krest'yanstvo Rossii v Grazhdanskoy voyne: k voprosu ob istokakh stalinizma* [Russia's Peasantry in the Civil War: the origins of Stalinism revisited]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, 576 p. (In Russ.).
- Podvornaya perepis' Simbirskoy gubernii 1910–1911 gg. Vyp. 2. Alatyrskiy uezd* [The 1910–1911 Farmstead Census of Simbirsk Governorate. Iss. 2. Alatyrsky Uezd. Prep. by Simbirsk Govern. Statistics Committee]. Simbirsk, Print. House of Govern. Administration, 1913, 135 p. (In Russ.).
- Shcherbinin P. P. *Propedevtika revolyutsionnogo soznaniya agrarnogo sotsiuma perioda Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg. skvoz' prizmu gendernogo analiza* [Propaedeutics of revolutionary consciousness of the agrarian society during the World War 1914–1918 ...]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia), 2015, No. 3, pp. 33–45 (In Russ.).
- Shcherbinin P. P. *Razvitie agrarnykh besporyadkov v 1917 g. kak prolog uchastiya krest'yan v Grazhdanskoy voyne: uездный uroven'* [Extension of agrarian disorders in 1917 as a prologue of peasants participation in the Civil

- War: the uezd level]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia), 2016, No. 2, pp. 31–36 (In Russ.).
- Spisok naseleennykh mest Simbirskoy gubernii / Simbirsk. gub. stat. kom-t* [A list of settlements / inhabited areas of Simbirsk Governorate. Prep. by Simbirsk Govern. Statistics Committee]. Simbirsk, Print. House of Govern. Administration, 1913, 136 p. (In Russ.).
- Spisok naseleennykh mest Simbirskoy gubernii po svedeniyam 1859 goda / Tsent. stat. kom-t Ministerstva vnutrennikh del. Vyp. XXXIX* [A list of settlements / inhabited areas of Simbirsk Governorate as of 1859. Prep. by Central Statistics Committee of the Ministry of Internal Affairs. Iss. XXXIX]. St. Petersburg, K. Wulf Publ., 1863, 99 p. (In Russ.).
- Sukhova O. A. «Obshchinnaya revolyutsiya» v Rossii: sotsial'naya psikhologiya i povedenie krest'yanstva v pervye desyatiletia XX veka (po materialam Srednego Povolzh'ya) [Russia's 'communal revolution': social psychology and behavior of peasantry in the first decades of the 20th cent.]. Penza, Penza State Pedagog. University Press, 2007, 374 p. (In Russ.).
- Sukhova O. A. *Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya: ocherki istorii sotsial'noy psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX — nachalo XX vv.) (po materialam Srednego Povolzh'ya)* [The ten myths of peasant consciousness: historical sketches of social psychology and mentality of the Russian peasantry (the late 19th–early 20th cc.) (evidence from the Middle-Volga Region)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 679 p. (In Russ.).
- Sukhova O. A. *Pravo na nasilie. Rossiyskoe krest'yanstvo v revolyutsii 1917 g. (po materialam Penzenskoy gubernii)* [The right to violence. The Russian peasantry in the Revolution of 1917 ...]. *Tsent. i periferiya* (Centre and Periphery journal), 2016, No. 2, pp. 4–10 (In Russ.).
- Yurchenkov V. A. *Krest'yanskoe khozyaystvo v usloviyakh «voennogo kommunizma» (na primere mordovskogo kraya)* [Peasant economy in the context of 'warcommunism']. *Agrarnyy stroy Srednego Povolzh'ya v etnicheskom izmenenii* [The agrarian order of the Middle-Volga Region from the ethnic perspective]. Moscow, 2005, Institute of Scientific Information on Social Sciences (RAS) Press, pp. 23–28 (In Russ.).
- Yurchenkov V. A. *Sotsial'naya psikhologiya krest'yanstva Mordovii pervoy chetverti XX veka* [Social psychology of Mordovia's peasantry: 1900–1925]. *Problemy agrarnoy istorii i krest'yanstva Srednego Povolzh'ya* [Problems of the agrarian history and Middle-Volga peasantry]. Yoshkar-Ola, 2002, pp. 311–320 (In Russ.).
- Yurchenkov V. A. *Vlast' i obshchestvo: rossiyskaya provintsiya v period sotsial'nykh kataklizmov v 1918–1920 gg.* [Authorities and society: Russia's peripheral regions in the age of social calamities: 1918–1920]. Saransk, 2010, 440 p. (In Russ.).

УДК 94

МОРДОВСКАЯ ДЕРЕВНЯ В НАЧАЛЕ XX в.: КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ЭПОХУ КОРЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Павел Сергеевич Учватов¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Российская Федерация). E-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru

Аннотация. В данной статье на основе материалов подворной переписи 1911 г. и архивных документов рассмотрено население мордовского села в начале XX в.: по состоянию на 1911 г., а также на январь 1918 г. — накануне Гражданской войны. В качестве примера взято мордовское (эрзянское) село Поводимово (современный Дубёнский район Республики Мордовия). Подавляющее большинство хозяйств в нем являлись сеющими, наиболее распространенными сельскохозяйственными культурами были овес и пшеница. Большое значение имело также животноводство. При этом сельское хозяйство оставалось очень отсталым, почти все хозяйства пользовались лишь примитивными орудиями труда. Занятие земледелием облегчала достаточно плодородная земля, к тому же почти 60 % хозяйств дополнительно удобряли свои участки. В плане условий жизни и имущественного состояния население Поводимова было очень неоднородным. К 1918 г. экономическое положение в селе ухудшилось, и можно отметить, что в целом оно отражает те кризисные явления, которые распространялись в аграрном секторе России под влиянием различных связанных между собой причин.

Ключевые слова: Мордовия, мордва, Симбирская губерния, Алатырский уезд, Поводимово, крестьянство, крестьянское хозяйство, село.